

- ⁵¹ По поводу характера реформирования Сената М. А. Корф открыто не высказывался, заметив, что «о том, нужны ли... какие-либо перемены и какие именно в нынешнем устройстве Первого департамента сената, здесь не место распространяться» (Корф М. А. Отношение. С. 53–54).
- ⁵² Авинов Н. Н. Граф Корф и земская реформа 1864 года. Из истории составления Положения о земских учреждениях 1864 г. М., 1904. С. 12.
- ⁵³ Корнилов А. А. Из истории вопроса об избирательном праве в земстве. СПб., 1906. С. 43.
- ⁵⁴ Цейтлин С. Я. Земская реформа // История России в XIX веке : Б. м., Изд-во «Бр. Гранат», б. г. Т. 3. С. 164.
- ⁵⁵ Литвак Б. Г. Переворот 1861 г. в России : почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 240.
- ⁵⁶ РГИА. Ф. 809. Оп. 1. Д. 114.
- ⁵⁷ См.: Гармиза В. В. Указ. соч. С. 213–219.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 809. Оп. 1. Д. 114. Л. 20
- ⁵⁹ Там же. Л. 1–3.
- ⁶⁰ Там же. Л. 5.
- ⁶¹ Там же. Л. 3.
- ⁶² Там же. Л. 3–4.
- ⁶³ Там же. Л. 4.
- ⁶⁴ Морозова Е. Н. Власть и земское самоуправление : опыт российского земства // История государства и права. 2009. № 19. С. 20–21.
- ⁶⁵ РГИА. Ф. 809. Оп. 1. Д. 114. Л. 7.
- ⁶⁶ Там же. Л. 6.
- ⁶⁷ Там же. Л. 11.
- ⁶⁸ Там же. Л. 12.
- ⁶⁹ Там же. Л. 17.
- ⁷⁰ Там же. Л. 18.
- ⁷¹ Там же. Л. 18–19.
- ⁷² Там же. Л. 20–21.

УДК 94 (47). 081 / 083

ПРОВЕДЕНИЕ ЗЕМСКИМИ СТАТИСТИКАМИ ПОДВОРНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ

С. В. Лёвин

Саратовский государственный университет,
Балашовский институт
E-mail: Serg.Lewin@yandex.ru

Материалы земской статистики являются ценным источником по истории русской пореформенной деревни. Земские статистики проделали колоссальную работу по изучению социально-экономического состояния крестьянских хозяйств страны. Наиболее эффективным методом получения первичных статистических данных стали сплошные подворные переписи крестьянских хозяйств, которые проводились в земских губерниях в 80-е гг. XIX в. В статье рассматриваются механизм их проведения и результаты.

Ключевые слова: волость, земские статистики, крестьянский двор, перепись, сельский сход, уезд.

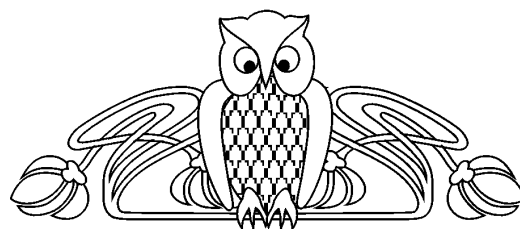
Conducting a House-to-House Census of Peasant Households by Zemstvo Statisticians

S. V. Lyovin

The materials of zemstvo statistics are a valuable source on the history of the Russian village in the period after the reform. Zemstvo statisticians did a colossal work connected with the study of socioeconomic status of peasant households of the country. The most effective method of acquiring primary statistical data was a total house-to-house census of peasant households which was conducted in zemstvo gubernias in the 80th of the XIXth century. The article deals with the mechanism of its conduction and the results.

Keywords: volost, zemstvo statisticians, peasant household, census, rural gathering, uyezd.

Исследование социально-экономического положения крестьянских хозяйств составляло

одно из основных направлений хозяйственной деятельности земств. Для этого во второй половине 1870-х – первой половине 1880-х гг. при губернских земских управах создаются статистические отделы (бюро). Их главной задачей являлось изучение социально-экономического положения крестьянских хозяйств. Земские статистики внесли в это решающий вклад. Крестьянские хозяйства они исследовали посредством проведения сначала пообщинных (поселенных), а затем – подворных переписей.

Первоначально в земских статистических исследованиях преобладал пообщинный метод, при котором изучению подвергалась вся крестьянская община, а отдельный крестьянский двор рассматривался лишь как её составная часть. В общине земские статистики видели готовую, исторически сложившуюся территориально-хозяйственную единицу. «Имея дело с местностью Великороссии, где господствует общинное землевладение, – писал экономист и публицист В. П. Воронцов, – исследователь тем самым получал и единицу, к которой удобно приурочить собираемый материал. Община – не искусственное целое, подобно деревне, а естественный союз по земле, то есть, по важнейшему хозяйственному фактору»¹.

Пообщинный метод позволял определить экономическое состояние крестьянской общины,

главным образом, в количественных показателях, но сделать анализ процессов, происходивших внутри неё, было невозможно. Для этого требовалось знать социально-экономическое положение каждого крестьянского двора, входившего в общину, ибо без этого, по справедливому замечанию В. П. Воронцова, «группировка собранного материала по деревням или общинам имеет сравнительно мало не только научного, но и практического значения»². Разбирая пообщинный метод, В. П. Воронцов, в конечном итоге, пришёл к выводу, что «реальной хозяйственной единицей является не село или община, а двор, семья; поэтому и совершенно точных и определённых результатов мы достигнем в том случае, если будем иметь возможность производить желательные комбинации непосредственно над семьями»³.

Обрабатывать собранный цифровой материал и сводить его в статистические таблицы было довольно сложно, а печатать громоздкие пообщинные списки, в которых фиксировались первичные данные, являлось делом ещё более трудным. Поэтому уже к середине 1880-х гг. пообщинный метод почти во всех земских губерниях был вытеснен подворным методом. «Первоначально, – писал В. И. Ленин, – земская статистика ограничивалась при переписях данными пообщинными, не собирая данных о каждом крестьянском дворе. Скоро, однако, заметили различия в имущественном положении этих дворов и предприняли подворные переписи – это было первым шагом на пути к более глубокому изучению экономического положения крестьян»⁴.

При подворном методе собирались сведения о каждом крестьянском дворе, который, по образному выражению экономиста и статистика Е. З. Волкова, «становился краеугольным пунктом всей земской статистико-экономической работы»⁵. Земские статистики выделяли следующие преимущества подворного метода перед пообщинным: а) создается более полная картина внутренней жизни села; б) в несколько раз увеличивается количество первичных данных; в) представляется возможным сводить цифровой материал в таблицы, чтобы удобнее было его печатать и легче с ним работать.

Подворный метод включал в себя два способа получения первичных статистических сведений – опрос и осмотр. Осмотр или обход крестьянских дворов земскими статистиками использовался крайне редко, в силу его затратности для земского бюджета. Более эффективным способом оказался устный опрос жителей села, позволявший получить более полные и достоверные данные о крестьянском хозяйстве. Он был взят на вооружение почти всеми земскими статистическими отделами.

Переписи крестьянских хозяйств в земледельческих губерниях проходили, как правило, весной, летом и ранней осенью. Наиболее удобным временем считались конец весны (после окончания посевных работ) и начало осени, «когда

крестьяне свободны и день долог». Переписи не проводились в дни церковных праздников. Все эти моменты учитывались земством и сотрудниками статистического отдела при составлении программы статистического обследования того или иного уезда. В докладе Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1883 г. прямо указывалось: «Собирание статистических сведений на местах невозможно ни в весеннее половодье, ни в осеннюю распутицу, а также и во время пахоты и уборки хлебов, в Рождественские праздники и в Пасху со страстной неделей»⁶.

Прежде чем приступить к проведению переписи крестьянских хозяйств намеченного уезда, губернская земская управа поручала уездным управам «предписать сельским правлениям, приготовить по каждой общине списки домохозяев, с разделением последних на домовых, бездомовых, надельных и безнадельных, осёдлых и отсутствующих, приписных и посторонних»⁷. В большинстве губерний руководители уездных земских управ оказывали всяческое содействие земским статистикам. Так, саратовские статистики, проводя перепись крестьянских хозяйств Царицынского уезда губернии, «постоянно пользовались всесторонним содействием Царицынской уездной управы, главным образом, в лице её председателя Д. В. Суходеева», председатель Аткарской уездной земской управы Л. Н. Сафонов «доставил в полное распоряжение статистического отделения управы» сведения о личном землевладении в уезде, в Петровском уезде сотрудники статистического бюро «в течение всего времени местных исследований постоянно пользовались всесторонним содействием председателя Петровской уездной земской управы М. Я. Кожина»⁸.

Впрочем, не всегда и не везде уездные земские управы оказывали помощь статистикам. Например, гласные Кузнецкого уездного земского собрания высказались категорически «против какого бы то ни было содействия трудам Саратовского статистического бюро, находя труды его при настоящем исследовании не только бесполезными, но прямо вредными и, полагая, что статистические труды по заранее выработанным формам должны быть возложены на местных земских деятелей»⁹. По мнению земских гласных, «допущение людей неизвестных и чуждых народу созывать сельские сходы, составлять подворные описи, задавать толпе вопросы, смысл которых может быть ею всячески истолкован несвоевременно ввиду того, что оно нарушает спокойствие народной жизни»¹⁰. В конечном итоге, Кузнецкое уездное земское собрание большинством голосов постановило: «Ходатайствовать перед губернским земским собранием о продолжительной отсрочке, а если возможно, то и о полном освобождении Кузнецкого уезда от визитации губернских статистиков, об избавлении Кузнецкого уезда от участия в расходах по содержанию бюро, труды которого оно

считает непроизводительными, и вместе с сим отказать губернской управе в выдаче безпрогонных листов для разъездов статистиков»¹¹.

Земские статистики на местах, прежде чем непосредственно приступить к проведению устного опроса крестьян на сельском сходе, продельвали колоссальную предварительную работу. Они внимательно знакомились со всей документацией хозяйственного назначения, которая хранилась в волостных правлениях, и выписывали из книг крестьянских сделок и договоров «все достойные внимания данные, – более или менее характеризующие условия жизни населения с экономической и бытовой стороны»¹². Из этих книг выписывались все сделки за последние пять лет относительно надельной, казённой, удельной и частновладельческой аренды с указанием размера арендуемой земли, сроков аренды и годовой суммы, уплачиваемой или получаемой за аренду земли. Книги сделок и договоров позволяли фиксировать «все случаи найма на земледельческие работы». Из окладных книг, хранившихся в волостном правлении, делались выборки о платежах и недоимках по каждому селению, а также о численности «окладных душ». Из уставных грамот, «владенных записей и купчих крепостей» брались сведения о количестве всей земли, находившейся в сельскохозяйственном обороте. Документы волостных судов содержали необходимую информацию о правовых аспектах жизнедеятельности крестьянских хозяйств. Весь полученный материал самым тщательным образом проверялся и анализировался. Только после этого сотрудники статистического бюро просили сельского старосту созвать крестьянский сход, который являлся главным источником получения необходимой информации о крестьянских хозяйствах.

Если селение было не слишком большим, то на сход созывалось всё взрослое население обою пола, если же село или деревня были достаточно большими, на сход приглашались не все жители, а лишь наиболее уважаемые среди односельчан домохозяева, которые могли дать сведения не только о своих хозяйствах, но и о хозяйствах своих соседей, зная их экономическое положение. Нередко при опросе присутствовали приходские священники.

На сходе статистики проводили опрос всех собравшихся по составленной ими программе (анкете). Как правило, эти анкеты состояли из двадцати-тридцати разделов, включавших историко-географическое описание населённого пункта, характеристику форм крестьянского землевладения, промыслов, торговли, анализ бюджета крестьянских семей, их образовательный уровень и т. д. Иногда составленные заранее анкеты, дополнялись во время проведения опроса.

Устный опрос позволял получать сравнительно полные и достоверные сведения, поскольку на многие вопросы давались своего рода коллективные ответы. Так, если опрашиваемый забывал что-то или допускал ошибку, неточно указывая

сведения, то односельчане поправляли его, помогали вспомнить, уточнить. В этом сказывалась крестьянская общинная психология. Земский статистик С. М. Блеклов считал это важным, если не решающим фактором получения достоверных данных. «Громаднейшее психологическое значение имело ещё одно обстоятельство, – вспоминал он, – на сходе особенно подчёркивалось в сознании каждого, что перепись охватывает всех, все равны перед столом статистика, ни для кого не делается никакого исключения»¹³. Коллега С. М. Блеклова Л. С. Личков отмечал, что во время опроса на сельском сходе «всякая ошибка, всякая фальшь или неточность со стороны кого-либо из крестьян вызывает возражения и поправки со стороны присутствующих»¹⁴. А. Ф. Фортунатов считал несомненным достоинством устного опроса на сельском сходе его контролирующую функцию. Анализируя материалы земских статистических подворных переписей, он, в частности, отмечал: «Напрасно думают часто, что сами статистики не подозревают лганья в ответах; никто лучше статистиков-практиков не расскажет такого количества анекдотов, касающихся вранья при даче показаний. Важным контролем против единоличного лганья (хотя не всегда достигающим цели) служит отбирание показаний на сборище хозяев, каким является сельский сход»¹⁵.

Намеренно неверные показания в большинстве случаев давали состоятельные крестьяне, сознательно старавшиеся скрыть действительное количество рабочего скота в хозяйстве и размеры своих земельных участков, с целью уменьшения налогооблагаемой базы. «Случалось, – вспоминал руководивший земскими статистическими работами в Самарской губернии И. М. Краснощёков, – что некоторые из домохозяев, особенно зажиточные, старались показать неточное количество скота, <...> при вопросе о количестве проданного хлеба всегда происходило замешательство и задержка. Всякий уклонялся от ответа, боялся смотреть на вас и говорил вздор: то он утверждал, что хлеба ещё не продавал и не знает сколько продаст, то уверял, что продавать не будет, а весь хлеб съест сам со своей семьёй, то подождёт продажей, пока установятся цены и тогда посмотрят – сколько надо продать; то продать придётся не более одного воза (25 пуд.), так как хлеб вышел нажином хорош, а умолотом плох. Приходилось биться целых полчаса с одним человеком, для того, чтобы добиться хотя какого-нибудь толку»¹⁶.

Чтобы уличить опрашиваемого во лжи, земские статистики должны были быть компетентными специалистами по вопросам сельского хозяйства, хорошо знать хозяйственные и культурно-бытовые потребности крестьян. Вот как проиллюстрировал это И. М. Краснощёков: «Самым щекотливым вопросом для крестьянина является вопрос о количестве рабочего скота, поэтому спрашиваемый, показывая например, что у него имеется всего две рабочих лошади, вовсе не

подозревает связи с другим вопросом – сколько десятин он арендует земли или сколько десятин у него засеяно теми или другими злаками, когда отвечает, что он арендовал на стороне 20 десятин земли под посев пшеницы; статистик тотчас же доказывает, что при 2 лошадях нет возможности обработать 20 десятин земли, тем более, что для обработки земли требуется впрягать в плуг или сабан 4–5 или 6 лошадей, крестьянин видимо теряется, краснеет, присутствующие язвительно смеются¹⁷. Впрочем, по признанию самих статистиков, такие казусы встречались довольно редко. В большинстве случаев крестьяне, уяснив назначение переписи, добросовестно относились к ней. Нередко уже после схода, поздно вечером, «в избу» к статистикам приходили крестьяне «с извинением в том, что на допросе хозяин или хозяйка быть не могли, а вместо их пришёл малец, который скота показал мало, так просят исправить, прибавить ещё 2 рабочих лошади, 1 корову и 1 тёлку; другой просит исправить аренду земли или покосов, третьи число едоков в семье и т. д.»¹⁸.

Справедливости ради, следует отметить, что «добросовестно» к переписи крестьяне относились, в значительной степени, благодаря самим статистикам, которые проявляли максимум такта, терпения, деликатности, внимания к опрашиваемым. Установление контакта с опрашиваемыми земские статистики считали наиважнейшей составляющей подворной переписи. К выполнению своих обязанностей земские статистики подходили со всей ответственностью; нигде не было зафиксировано ни одного случая недовольства крестьян действиями статистиков. Заведующий Саратовским земским статистическим бюро С. А. Харизоменов писал по этому поводу: «При начале переписи селения крестьяне относятся обыкновенно с недоверием. Всецело от такта статистика зависит изменить подобное настроение на первых же порах требование пунктуальных и точных ответов, уменьем деликатно показывать крестьянам, что неправильность показаний ему ясна. Раздражаться, резко обличать во лжи, безусловно, вредно, это может повести к систематическому запирательству. Выражение полного доверия к показаниям – лучшее средство получить правдивые ответы»¹⁹. «Драгоценным качеством, – вторил С. А. Харизоменову С. М. Блеклов, – обладает тот, кто умеет вовремя сказать какое-нибудь мягкое слово, остроумную шутку, вызывающую смех во всей сборне, разом рассеивающую скуку, утомление и уныние и поднимающую общее настроение. Некоторые думают достигнуть таких результатов, прибегая к балагурству, но расчёт оказывается неверным. Легкомысленное балагурство обыкновенно вызывает легкомысленное же отношение крестьян к переписи. Лучше всего тон бодрой, весёлой деловитости и во время подворной переписи, и при составлении поселенного бланка»²⁰.

А. В. Пешехонов, вспоминая «свой личный опыт» участия в переписях крестьянских хо-

зяйств, констатировал: «Земским статистикам приходится иметь дело не только с мертвыми цифрами, но, прежде всего, с живыми людьми и притом в условиях крайне неблагоприятных: с одной стороны, чрезвычайное напряжение их собственной нервной организации, подавляемой обилием впечатлений и труда, а с другой – наволнованное состояние психики того населения, с которым им приходилось иметь дело. Известно, какое впечатление производят даже самые несложные переписи на массу, земская же статистика принуждена и решается затрагивать самые больные и интимные стороны её жизни»²¹. По мнению А. В. Пешехонова, только «внимательное и бережное отношение к интересам населения, неизменно корректное и деликатное обращение с отдельными лицами из его среды и умение примирить две правды – правду научного изыскания во имя широких общественных задач с житейской правдой будничных забот и тревог, – таковы качества, которыми должна характеризоваться работа статистика при местных исследованиях»²².

Таким образом, земские статистики являлись не только хорошими специалистами в области сельского хозяйства, но и знатоками крестьянской психологии.

Проводя перепись, земские статистики должны были находиться и, фигурально выражаясь, в отличной физической форме. Чтобы успеть за отведённый период времени обследовать все крестьянские хозяйства определённого селения, им приходилось трудиться фактически весь световой день, проводя опрос, а вечером приступать к обработке полученных данных, которая, зачастую, затягивалась далеко за полночь. Это, несомненно, требовало большого напряжения физических сил. «Перепись, – наставлял своих сотрудников С. А. Харизоменов, – должна вестись быстро и бодро: статистик и в себе, и в сходе должен постоянно поддерживать известный тонус нервного возбуждения, разнообразия переписи вопросами из поселенного бланка. Утомление и нетерпение – злейшие враги переписи. Перепись села не должно затягивать без крайней необходимости более 2 дней. Часто необходимо пользоваться известным благоприятным настроением толпы и вести перепись без всякого перерыва 8–10 часов кряду, иногда далеко за полночь»²³. Нервное напряжение и переутомление приводили иногда к тому, что сами статистики делали ошибки, причем не только при регистрации первичных данных, но и при их обработке.

Каких-либо общепринятых инструкций проведения подворных переписей статистиками разработано не было. В каждой губернии существовали свои инструкции. Иногда такие своего рода «памятки» проведения переписей и поведения во время них статистиков составляли чиновники губернской администрации. Известный земский статистик и публицист И. П. Белокопский приводит в своих воспоминаниях извлечения из такой

«памятки»: «Им [земским статистикам. – С. Л.] воспрещалось при переписи населения не только произносить какие бы то ни было “междометия”, но даже делать... “отрицательные телодвижения”. И тут же приведены были пояснения. Если, например, на вопрос статистика “сколько лошадей?” крестьянин ответит “ни одной”, то статистик не имеет права выразить сожаления, удивления или тем более сострадания знаками удивлений: “О-о!”, “А-а!”, “Ох!”, “Ах!” и т. п., также и при посредстве молчаливого “подымания плеч”, “расширения глаз”, “наморщивания лба” и т. д. То же самое при всяких вопросах, ответами на которые характеризуется печальное экономическое положение крестьян: малоземелье, бездомность, задолженность и т. д.»²⁴. Некоторые статистики пользовались циркуляром Центрального статистического комитета, который был составлен в 1873 г. для сотрудников губернских статистических комитетов: «Обращение к опросу всего населения известной местности, – говорилось в документе, – должно производиться весьма осторожно и притом с таким знанием дела, которое доступно только специалистам учреждения, выяснившим на опыте какого рода сведения могут быть собраны посредством переписи и какие вопросы, по их неисполнимости или несвоевременности, не должны быть предлагаемы населению, дабы не возбуждать в нём напрасных опасений, а иногда и превратных толкований»²⁵.

Проведение подворных переписей находилось под неусыпным контролем губернской администрации и местных властей, которые видели в земских статистиках «опасных распространителей» революционных идей.

22 декабря 1886 г. циркуляром министра внутренних дел Д. Н. Толстого губернаторам земских губерний проведение земских статистических работ было поставлено под постоянный и жёсткий контроль Департамента полиции и губернской администрации. «Имея в виду, – гласил циркуляр, – что собиране статистических сведений сопряжено с частыми разъездами по сёлам, заводам и фабрикам и ставит собирающих сведения в непосредственные, вне всякого контроля, сношения с сельским и фабричным населением, представляется существенно важным, чтобы лица политически неблагонадежные не допускались к занятиям земскою статистикою, а находившиеся уже на службе были отстранены от этих занятий. Вследствие вышеизложенного, я имею честь просить Ваше Превосходительство [губернатора. – С. Л.] обратить серьёзное внимание на состав земских статистиков во вверенной Вам губернии и, пользуясь правами, предоставленными ст [атьями] 20 и 30 Высочайше утверждённого 14-го августа 1881 года Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, ныне же удалить от занятий по собиранию статистических сведений по поручению земских управ лиц, политическая неблагонадежность коих,

на основании обстоятельно собранных сведений, представляется достаточно доказанною, а также впредь не допускать таких к вышеупомянутым занятиям»²⁶.

Данный циркуляр стал для губернских властей руководством к действию. Любое сообщение волостных, уездных властей, даже слух о каких-либо возмущениях крестьян, губернская администрация приписывала «проискам» земских статистиков. Например, в сентябре 1883 г. начальник Казанского губернского жандармского управления доносил в Департамент полиции: «В конце июля получились сведения, что в татарских селениях Тегюшского уезда возник говор о присоединении магометан к православию и, что говор этот возбуждается частью лицами, собирающими статистические сведения. Вследствие чего Казанский губернатор сделал распоряжение об отозвании из уездов статистической комиссии и таким образом собиране статистических сведений временно приостановилось...»²⁷. 15 февраля 1889 г. товарищ министра внутренних дел В. К. Плеве отказался утвердить программу подворной переписи крестьянских хозяйств Вятской губернии, указав на «неуместность созыва земскими статистиками сельских сходов и предложения со стороны их в присутствии сходов крестьянам вопросов, влекущих за собою обсуждение действий, например, уездных по крестьянским делам Присутствий по предметам о новой разверстке обществами надельных земель и т. п.»²⁸.

Чаще всего в роли «спасителей» земских статистиков от губернской администрации выступали губернские земские управы. Так, председатель Саратовской губернской земской управы М. С. Кропотов, пытаясь объяснить назначение, цель и задачи подворных переписей, писал губернатору А. А. Зубову в декабре 1882 г.: «Губернская Земская Управа имеет честь объяснить, что созываемые при производстве статистических исследований сходки крестьян для получения от них требующихся бланками сведений не имеют ничего общего с теми сходками, о коих говорится в Общем положении о крестьянах. Это именно только сходки или группы представителей семейств всей общины, или только некоторой её части. Если селение или община большие, то созывается лишь столько домохозяев, сколько в один приём приблизительно может быть опрошено; затем созывается другая часть и т. д.»²⁹. Правительство, губернские и уездные власти с недоверием относились как к самим статистикам, считая их «политически неблагонадежными лицами», так и к подворным переписям, в которых видели всего лишь форму ведения статистиками революционной пропаганды среди собравшихся на сельский сход крестьян.

Проводя переписи, земские статистики совершенствовали и их методологию. Когда объектом исследования выступала целая крестьянская община, то собиравшиеся сведения заносились на так называемый пообщинный бланк. Его за-

полнение требовало много времени; иногда на это уходило до 6 часов. Когда же единицей земских статистических работ был отдельно взятый крестьянский двор, пообщинный бланк сменяла подворная карточка. Данный способ имел ряд неоспоримых преимуществ: он давал более точные и полные данные, и позволял сводить собранный и обработанный материал в таблицы разных видов. «Преимущества карточной системы бесспорны в настоящее время, – писал земский статистик С. М. Блеклов, – польза от карточной системы несомненна, так как она даёт более точные сведения и главное – позволяет несравненно быстрее разрабатывать полученный материал»³⁰. Кроме того, способ подворной регистрации и обработки статистического материала позволял сравнительно быстро фиксировать первичные сведения. Заведующий Воронежским земским статистическим отделом Ф. А. Щербина отмечал, что при исключительно плотном графике работы земских статистиков это имело, несомненно, практические выгоды. «Проверяя на опыте скорость работ по спискам и карточкам, я не нашёл никаких преимуществ за списочным способом переписи. <...> Можно даже сказать больше. Преимущества оказались на стороне карточного способа переписи», – констатировал он³¹. Действительно, если на заполнение пообщинного бланка (списка) уходило от 3 до 6 часов, то на заполнение подворной карточки всего несколько минут. «Время потребное для составления одной подворной карточки различно, – вспоминал С. М. Блеклов, – смотря по большей или меньшей лёгкости работы; в среднем нужно пять-шесть минут для полного и обстоятельного расспроса, <...> иногда на одну карточку приходилось тратить минут пятнадцать, двадцать и более, когда судьба посылала какого-нибудь неподатливого субъекта»³². Справедливости ради, стоит заметить, что «судьба» довольно часто посылала статистикам «неподатливого субъекта», вследствие поголовной неграмотности крестьян, что, естественно, затрудняло регистрацию первичного материала.

По мнению Е. А. Кечиной, устный опрос крестьян на сельском сходе есть не что иное, как социологический опрос со всеми этапами его проведения³³. Думается, подворную перепись крестьянских хозяйств можно считать одной из форм социологического опроса.

Полученные в результате устного опроса данные обрабатывались, и цифровой материал сводился в статистические таблицы, к которым обязательно составлялся пояснительный текст. Результаты земских статистических исследований, которые отличались полнотой и точностью, в равной мере использовали как правительственные, так и земские учреждения, относившиеся к ним с полным доверием. В решающей степени это стало возможным благодаря широкому применению земскими статистиками устного опроса крестьян на сельском сходе.

Примечания

- 1 В. В. [Воронцов В. П.] Научный обзор : Земская статистика // Русская мысль. 1888. Кн. 6. С. 154.
- 2 В. В. [Воронцов В. П.] Хроника : Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1886. Кн. 8, т. 4. С. 870.
- 3 В. В. [Воронцов В. П.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1887. Кн. 8. С. 860.
- 4 Ленин В. И. Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 9.
- 5 Волков Е. З. Аграрно-экономическая статистика России 1865–1922. М. ; Пг., 1923. С. 76.
- 6 Доклад о ходе статистических работ в течение 1883 года // Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1883 года. Саратов, 1883. Ч. 1. С. 31. Примеч.
- 7 Степанов В. В. Земская сельскохозяйственная статистика: очерк // Временник Центрального статистического комитета. 1897. № 43. С. 25.
- 8 Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. II : Царицынский уезд. Саратов, 1885. С. I ; Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. IV : Аткарский и Петровский уезды. С. I.
- 9 Дополнительный доклад Саратовской губернской земской управы о статистических работах. Саратов, б. г. С. 1–2.
- 10 Там же.
- 11 Там же. С. 2.
- 12 Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. I : Саратовский уезд. Саратов, 1883. С. IV.
- 13 Блеклов С. М. За фактами и цифрами. Записки земского статистика. М., 1894. С. 82.
- 14 Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. I : Саратовский уезд. С. II.
- 15 Фортунатов А. Ф. Критика материала в хозяйственной статистике // Юридический вестник. 1888. Т. XXVIII, № 6–7. С. 489. В некоторых губерниях, например в Тамбовской, «переписи производились в присутствии сельских старост, которые в удостоверении правильности их прикладывали свои печати». (См.: Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Отдел хозяйственной статистики : Борисоглебский уезд. Тамбов, 1880. С. I).
- 16 Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии / под ред. И. М. Краснопёрова, А. С. Любецкого. Самара, 1890. Т. 8, вып. 1. С. IV–V.
- 17 Там же. С. IV.
- 18 Там же. С. V.
- 19 Свод статистических сведений по Саратовской губернии / под ред. С. А. Харизоменова. Саратов, 1888. Ч. 1. С. 29.
- 20 Блеклов С. М. За фактами и цифрами. С. 106–107.
- 21 Пешехонов А. В. Кризис в земской статистике // Русское богатство. 1901. № 12. С. 178–179.
- 22 Там же. С. 179.
- 23 Свод статистических сведений по Саратовской губернии. Ч. 1. С. 30.
- 24 Белокопский И. П. В годы бесправия : Воспоминания. М., 1930. С. 51.

- ²⁵ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 421. Оп. 1. Д. 277. Л. 1 об.–2.
²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 82. 1886. Д. 761. Л. 15.
²⁷ Там же. Оп. 78. 1882. Д. 625. Ч. 2 (1). Л. 146.
²⁸ Там же. Л. 50.
²⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3644. Л. 78–78 об.
³⁰ Блеклов С. М. Карточная система в земской статисти-

- ке // Сборник Саратовского земства. 1896. № 31. С. 420.
³¹ Щербина Ф. А. Карточный способ собирания и подсчёта статистических данных // Юридический вестник. 1886. Т. XXII, № 6–7. С. 399.
³² Блеклов С. М. Карточная система в земской статистике. С. 72.
³³ См.: Кечина Е. А. Роль земской статистики в развитии эмпирической социологии // Проблемы управления. 2007. № 4(25). С. 144–145.

УДК 94(47).08

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А. В. Штепа

Калужский государственный университет
E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Статья посвящена историографическому анализу научной проблемы социального служения Русской православной церкви во второй половине XIX – начале XX в. в новейших отечественных исторических исследованиях. Отмечены достижения современных российских авторов в выявлении и изучении основных направлений, в рамках которых реализовывалось социальное служение церкви в указанный период, намечены пути дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова: Русская православная церковь, историография, социальное служение, благотворительность, вторая половина XIX – начало XX в.

Social Service of the Russian Orthodox Church in the Second Half of XIX– Early XX Centuries in Contemporary Domestic Studies

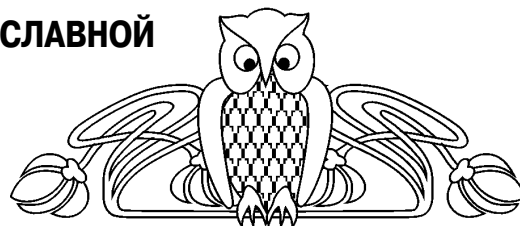
A. V. Shtepa

Article is devoted to historiographical analysis of the scientific problem of social service of the Russian Orthodox Church in the second half of XIX – early XX centuries. the latest local historical research. Highlight the achievements of modern Russian authors to identify and explore key areas, which were implemented in the social ministry of the church during this period, the ways of further research topics.

Keywords: Russian Orthodox Church, historiography, social service, charity, and the second half of XIX – early XX centuries.

Обострение социальной ситуации на постсоветском пространстве в начале 90-х гг. прошлого века и изменение политических ориентиров актуализировали изучение истории различных социальных инициатив, в том числе и благотворительных, имеющих прямое отношение к деятельности Русской православной церкви (РПЦ).

В рамках социальной истории России, истории социального служения православной церкви находится исследуемая автором проблема благоотво-

рительности, организации социальной помощи в русле церковной традиции. Ещё в начале 1990-х гг. появились публикации Л. И. Кучумовой, протоиерея Ф. Ван дер Воорта, Д. Поспеловского, А. Ю. Полунова, затрагивающие историю социального служения церкви и христианской благотворительности¹.

Среди монографий современных российских историков по истории православной церкви в России интерес представляют исследования С. Л. Фирсова, П. Н. Зырянова, С. В. Римского.

С. Л. Фирсов в своей работе «Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.)» проанализировал политико-правовое положение православной церкви в российской политической системе, положение духовенства в структуре российского общества, связанного, в частности, с его материальным обеспечением². Но главной темой его монографии были сложные вопросы государственно-церковных отношений, а не социальное служение православной церкви как таковое.

Фундаментальный труд П. Н. Зырянова «Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века» освещает тернистый путь развития русских монастырей и их социальное служение в течение двух веков российской истории. Автор монографии отметил, что вместе с расширением монастырской благотворительности появились монастыри, ориентированные именно на благотворительность, особенно активно в этом направлении действовали женские обители, хотя они были беднее мужских, испытывая острый недостаток средств. Между тем историк отмечает, что улучшение жизни народных низов путём расширения монастырской благотворительности было попыткой «смягчить социальный вопрос, подкрепить в людях веру в устои религии, добра и справедливости»³.